

ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Лейла Созакбайовна Гергокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© Л.С. Гергокова, 2021

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию семантики орнитологических персонажей, широко представленных в карачаево-балкарском фольклоре наравне с другими анималистическими образами. Актуальность наблюдения подобных героев в анализируемых текстах связана с жизнью исследуемого этноса, в связи с чем эти персонажи занимают важное место в фольклорных рассказах.

Целью данной работы является попытка исследования семантики образов орла, ворона (вороны), перепелки и ласточки в произведениях разных жанров устного народного творчества карачаевцев и балкарцев. Материалом для анализа послужили тексты из различных фольклорных сборников изучаемого этноса.

В исследовании указывается на то, что анализируемые образы в текстах одних фольклорных жанров отличаются, от образов в других произведениях устного народного творчества. За этими орнитонимами закрепляется своя символика, обладающая положительным или отрицательным смысловым оттенком. Образ орла и ворона, имея изначально сакрально-культовое значение в мифологии, перейдя в жанр сказок, обретают другую характеристику.

Сюжеты о пернатых персонажах в фольклоре карачаевцев и балкарцев чаще всего имеют этиологическое содержание. В таких текстах объясняются особенности внешности, поведения и характеристики того или иного орнитологического персонажа.

Ключевые слова: орнитологические образы, птицы, фольклор, мифология, сказки о животных

Для цитирования: Гергокова Л.С. Орнитологические образы в карачаево-балкарском фольклоре // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-2 (51). С. 97–104. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-97-104

Original article

ORNITOLOGICAL IMAGES IN KARACHAY-BALKARIAN FOLKLORE

Leila S. Gergokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© L.S. Gergokova, 2021

Abstract. This article is devoted to the study of the semantics of ornithological characters, widely represented in the karachay-balkarian folklore along with other animalistic images. The originality of the observation of such images in the analyzed works is associated with the life of the studied ethnos. In this connection, these characters occupy an important place in folklore works.

The purpose of this work is an attempt to study the semantics of the images of the eagle, raven (raven), quail and swallow in the works of different genres of folklore of the karachais and balkarians. The material for the analysis was texts from various folklore collections of the studied ethnos.

The study points out that the analyzed images in the texts of some folklore genres have a different meaning from other works of oral folk art. These ornithonyms have their own symbolism, which has a positive or negative connotation. The image of an eagle and a raven, having a sacred and cult significance in mythology, having passed into the genre of fairy-tales, they lose it and acquire a different characteristic.

The stories about feathered characters in the folklore of the karachais and balkarians most often have an etiological content. In such texts, the features of the appearance, behavior and characteristics of a particular ornithological character are explained.

Keywords: ornithological images, birds, folklore, mythology, fairy-tales about animals

For citation: Gergokova L.S. Ornithological images in karachay-balkarian folklore. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-2 (51): 97–104. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-97-104

В религиозно-мифологической системе многих народов птицы наделяются разнообразными функциями: некой божественной силой, являющейся проводником между разными мирами (земным и потусторонним). Это объяснялось тем, что пернатые владеют даром летать. Древние люди верили, что, поднимаясь от земли и возвышаясь к облакам, птицы приближались неким «Наивысшим Силам» и обретали полубожественную сущность, вследствие чего, они становились символом воли и свободы. «Использование образа птицы как эмблемы отвечало сентиментальным и предромантическим установкам, способствовало раскрытию внутреннего мира человеческой личности, а также обнаружению в человеческой жизни таинственной, иррациональной стихии [Азбукина 2006: 203]. Описывая воздействие орнитонимов на жизнь людей, исследователи обращали внимание на то, с каким невероятным символическим влиянием они обладали. «Символика крыльев связана с духовным подъемом, душевным состоянием человека и божественной сущностью. Образ крыльев передает смысл свободы, духовности, мысли, воображения, вдохновения, духовного подъема, защиты и т.д. [Ван 2018: 15].

В словаре символов птица представляется, как «Воплощение как человеческого, так и космического духа – символизм, определенный их легкостью и скоростью передвижения, свободным парением и предполагаемой способностью достичь небес» [Тресиддер 1999: 293]. От мифологического образа персонажи птиц перешли в фольклорные жанры. Эти орнитологические герои часто занимают особое место в сказочных произведениях, в героических сказаниях и верованиях карачаевцев и балкарцев. Основными персонажами являются ворона, орел, перепелка, петух и др. Безусловно, орнитологические образы в карачаево-балкарском фольклоре не ограничиваются представленным перечнем персонажей. Образы птиц, встречающихся в мифологии и фольклоре данного этноса, можно разделить на три группы: мифические птицы (из мифологии), сказочные птицы (герои волшебных сказок, сказок о животных), все существующие птицы в реальном мире.

Отношения между охотниками, животными и птицами зафиксировались в памяти людей, что впоследствии стало выражаться в разнообразных, сказках, поверьях, приметах: многочисленны «легенды о животных, птицах и рыбах, их происхождении, привычках и особенностях [Кравцов 1987: 136].

Птицы в мифах и сказках карачаевцев и балкарцев обладают самыми разнообразными функциями и полностью уподобляются людям. Изучая эти произведения устного народного творчества, можно заметить, как различаются значения образов разных пернатых: орла, ворона, ласточки и др. Самую высокую ступень в лестнице по рангу животных, в мифологии тюркских народов занимают птицы. Люди считали, что эти создания находятся под покровительством Тенгри (Тейри), так как они обитатели неба. Орел у карачаевцев и балкарцев является культовой птицей.

Издревле у всех народов существовало поверье, что в птиц вселялись души людей. И когда они видели пернатых, сидящих на дереве, считали, что это души умерших, спустившиеся на землю. Например, в сказании «Эки кьуш» – «Два орла» рассказывается, как один охотник по имени Таулан пошел на охоту и встретил там белую оленуху. Он хотел в нее выстрелить, только прицелился, но она превратилась в прекрасную девушку. Оказалось, что эта оленуха – дочь божества охоты Апсаты. Молодые полюбили друг друга и решили сбежать от всех, так как им нельзя было встречаться. Тогда Апсаты приказал своим слугам догнать их и убить. Беженцев преследовали, поймали и бросили вниз со скалы. И в этот момент сердце Апсаты кольнуло: он пожалел влюбленных и превратил их в орлов. *«Андан бери ол эки кьуш адам аягы чыгьалмаз бийик кьяяны тѣппесинде уя салып жашайдыла. Эрттен сайын, кюнню биринчи тыякълары жылтырагъанлай, андан чыгъып учадыла»* [КъМЖТА II 2003: 461] – «С тех пор эти два орла вьют гнезда и живут на вершине высокой скалы, куда не может ступить нога человека. Каждое утро, как только светят первые лучи солнца, вылетают оттуда». Нужно подметить, что орлы, как правило, устраивают гнезда вдали от жилища людей: на высоких недоступных скалах и утесах. И считалось, что эти птицы связывают два мира, настоящий и потусторонний.

Согласно мнению исследователя М.Ч. Джуртубаева, орел в мифологии карачаевцев и балкарцев «связан и с образом верховного бога Тейри» [Джуртубаев 2011: 48]. Он приводит пример из карачаево-балкарского нартского эпоса: «популярен в карачаево-балкарском фольклоре сюжет о схождении героя в нижний мир и его вызволении орлицей в благодарность за спасение им орлят от страшного дракона. По пути в средний мир (мир людей) герой кормит орлицу мясом быков или буйволов и поит ее их кровью, а когда те заканчиваются – своей плотью и своей кровью. Орлица догадывается об этом и уже на земле выплевывает их и залечивает раны богатыря» [Джуртубаев 2011: 47]. *«Артха айландырып, артда къапхан этни бла уртлагъан къанны жашны бут жарасына къусду. Жалады да, жарасын сау этди»* [Нарты 1994: 137] – «Плоть, что съел потом и кровь, которую выпил позже, он срыгнул обратно на рану богатыря. Облизав, вылечил рану».

Обращаясь к фольклору карачаевцев и балкарцев, выделим одно из поверий, где говорится, что орлица в первый раз высиживает не птенцов, а двух щенят. *«Кьуш биринчи кере гурт жатса, эки ит кючюк чыгъарады, артта уа аланы ашап къяды. Сау къалдыралсанг ол кючюклени, ала дунягъа айтылгъан самырла боладыла. Ол самырладан не жаньуар, не чабакъ, не къанатлы къутулмайдыла»* [КъММ 2007: 23] – «Орлица, когда в первый раз высиживает птенцов, выводит двух щенков, а потом съедает их. Если сможешь оставить в живых этих щенков, они становятся всемирно-известными самырами. От этих самыров ни животные, ни рыбы, ни птицы не могут спастись». Сам термин самыр и образ крылатых собак заимствованы, вероятно, из древнеиранской мифологии, в которой Сэнмурв – крылатый пес, царь всех птиц, обитающий в ветвях мирового дерева [Джуртубаев 1991: 85]. По представлению тюрков такие щенки превращались в охотничьих псов.

Как известно, сказки о животных являются наиболее древним жанром фольклорного наследия разных народов. В анималистических устных произведениях представлены домашние и дикие животные, а вместе с ними и образы птиц, которые являются непременными персонажами данных произведений. В карачаево-балкарских сказках о животных, в отличие от волшебных сказок и мифических рассказов, орел – в первую очередь хищная птица. Он обитает на вершине скал и не любит гостей, при виде врагов, защищает свое гнездо.

Образ орла в народе рассматривается как образ культурного героя. И когда люди хотят восхвалять парней за отвагу, удаль или другие подвиги, они сравнивают его с культовой птицей. Для обозначения используют орнитоним «орел»:

* Здесь и далее, если не указано иное, перевод наш – Л.Г.

«Азаматгерий – хангушум, хей!

Азаматгерий да – хан кьушум, хей!» [АНТЖЖЭ 1997: 208].

«Азаматгерий – мой хангуш, хейий орел!

Азаматгерий – ханский орел, хей!».

Существует много пословиц и поговорок в карачаево-балкарском фольклоре, где с помощью компонентов-орнитонимов описывается характер людей: *«Кьушину баласы уясында не кёрсе, учханында аны этер»* [АНТЖЖЭ 1997: 248–249] – «Что птенец орла увидит в гнезде, сделает при полете». В представленной пословице орлу приписываются положительные черты людей, что придает его образу большую значимость.

«Болумсуз ауузу бла кьуш тутар» [АНТЖЖЭ 1997: 248] – «Бездеятельный (человек) словами орла поймает». Здесь речь идет о тех личностях, которые на словах возвышают себя до того уровня, что могут позволить поймать такую культурную птицу – орла.

Также можно встретить такие пословицы, где говорится об избирательности этой птицы. *«Кьуш кьыртчыгъаны нёгер этмез»* [АНТЖЖЭ 1997: 249] – «Орел не будет дружить с сорокой».

Следующей птицей по значимости, часто используемым персонажем в карачаево-балкарском фольклоре после орла является образ ворона. Если с орлом связывали силу чистоты и света, то с вороном совсем наоборот: его считают олицетворением темных сил. Этот образ существует в фольклоре и литературе разных народов. В карачаево-балкарском устном народном творчестве наличествуют сюжеты этимологического содержания, представляющие внешние признаки ворона. Например, в сказании *«Кьаргъа кьара нек болгъанды»* – «Почему ворон стал черным» повествуется о том, что и ворон и сова раньше были белого цвета. Однажды, играясь вместе с совой, ворон предложил подкраситься в черный цвет. Сова согласилась. Ворон вначале аккуратно и красиво покрасил сову, следом та покрасила ворона, но он показался ей красивее. Так как сова считалась менее красочной и колоритной чем ворон, она из зависти вылила оставшуюся краску на друга и улетела. С тех пор у ворона окрас стал черный, и он стал всем заметным [КьММ 2007: 24–25].

В карачаево-балкарском фольклоре бытует и другое сказание этимологического содержания об окрасе вороны:

«Сюлейман деген бир киши кьанатлыланы, жаныуарланы тилин билгенди.

Ол кьанатлыладан кьаргъаны:

– Дуनियाны башында не зат ариу эсе да, айланып, жюрюп, кёрюп, келип, манга айтырса, – деп ийгенди.

Кьаргъа уа:

– Мен айланган, мен жюрюген жерде кесими баламдан ариу кёрмедим, – дегенди.

Ол заманда Сюлейман:

– Ай, санга айып болсун! – деп, кьаргъаны от кесеу бла ургъанды.

Кесеу тийген заманда кьаргъаны тюгюню жартысы кьара болгъанды, жартысы уа алайлай кьалгъанды да, аны кьолан болгъаны аны ючюндю» [КьМФС IV 2020: 225].

«Один человек по имени Сулейман знал язык птиц, животных.

Он из птиц ворону отправил узнать:

– Что на свете красивее всего, полетав, побродив, увидев, придя, мне скажешь.

А ворона:

– В тех местах, где я побывала, где я летала, не видела красивее собственных птенцов, – ответила.

Тогда Сулейман, сказав:

– Ай, позор тебе! – ударил ворону головешкой.

Когда головешка дотронулась до нее, половина перьев вороны почернела, половина же осталась как была, поэтому она разноцветная».

Или же в тексте «*Къаргъа*» – «Ворон» рассказывается, отчего ворон перестал разговаривать и начал издавать звуки «*къакъ-къакъ*». Повествуется о том, что ворон был очень невоспитанным и все время ругал всех нехорошими словами. Когда это всем надоело, животные предупредили его, что за такое поведение последует наказание: они выдернут ему все перья. Ворон долго терпел, но от злости начал ругать себя, тогда звери выщипали его догола. «*Алай-алайсыз да энди болуру бирди, ахиы аман айтайым да, кёлюмю бир иги кенгдирейим, аманны къуюп дейди. Айтама десе – тили тартылып тура. «Гырр-гырр, къакъ-къакъ!» – деген бол-маса, не аман айталмагъанды, не къаргъыш къуялмагъанды*» [АНТЖЖЭ 1997: 258–259] – «Так и так теперь исход один, выскажу и хорошее, и плохое и подниму себе настроение, скажу все плохое, говорит. Как хотел выговорить – язык не повернулся, только получилось издать «Гырр-гырр, как-как!», больше он не смог ни проклясть, ни сказать ничего плохого».

Поэтому существует суеверие, что когда ворон издает крики, будто он проклинает. Слово «*къаргъа*» – «ворон» вероятно этимологизируется как доказательство издаваемых им звуков «*къар-къар*» или же от созвучного слова «*къаргъа*» – «проклинай», «однокоренные со словами *къаргъыш* (проклятие) и *къаргъаныу* (клятва)» [Джуртубаев 2011: 50] либо на его окраску «*къара*» – «черный». Поэтому одни считали ворона символом смерти, другие мудрости, третьи посредником между мирами. До сих пор людей настораживает предсказание черной птицы. В пожеланиях они произносят: «*Башынгдан огъурлу къаргъа кычырсын*» [АНТЖЖЭ 1997: 14] – «Пусть над тобой крикнет ворон, приносящий удачу».

Ворон в карачаево-балкарском фольклоре, так же как и других народов считается птицей вешей. Люди верят, что ее появление приближает несчастья: может даже смерть.

«*Аллыгъызда къузгъун-къаргъа кычырмасын*» [АНТЖЖЭ 1997: 101] – «Пусть перед вами не крикнет исчерна-черный ворон»;

«*Шхайтыдан бир къара къаргъа кычырды,*

Къарачайгъа бир къюзлюк ёртен ычхынды.

Ол а ёртен туююлдо, къанлы ёлетди.

«Из Шхантай крикнул чёрный ворон,

На Карачай выпустил пламя,

А это не пламя, это кровь смерти».

Услышав эти недобрые новости и связав их встречей с вороном – люди боялись предсказаний этой птицы.

Вороны считались предугадывающими существами. В них сочетались мудрость и силы разрушения. В карачаево-балкарских сказках о животных ворон предстает перед читателями в образе мудрой птицы. Например, в сказке «*Къаргъа бла балалары*» – «Ворона и ее птенцы» хищница, спасая своих птенцов от пожара, переносила их на спине с одного берега на другой через море. Перенося первенца, мать спросила, готов ли тот ухаживать за ней в старости. Тот дал утвердительный ответ. Но мать, поняв, что птенец врет, бросила его в море. Следующим переносила ворона второго птенца. На тот же вопрос, второй ответил, как и первый брат. Мать рассердилась и бросила и его в море.

«*Эм кичи баласын сыртына кётюрюп, уча-уча барып, тенгизни ююне жетгенде:*

– *Аха, кичи балам! Барыадан да сени бек сюсме. Мен сени бу къадар кёп кыйналып ёсдюреме, мен гым-гым къарт болсам, анамса деп, сен манга къарармыса? – деп соргъанды.*

– *Да, анам, сагъыш эт! Сен ананга къарагъанча, мен да санга къарарма. Андан артыкъ мен да санга къарамам. Сен да ананга этгенни мен да санга этерме, – деди.*

– *Ыхы, сен манга ам;ан туююлсе, былайда кертисин айтдынг,– деп, тенгизден ётдюрюп, агъачха бошлап кетгенди*» [АНТЖЖЭ 1997: 42].

«Самого младшего, посадив на спину, летела-летела, когда долетела до середины моря:

– Аха, младший птенец! Больше всех тебя любила. Я тебя ращу с таким огромным трудом, когда я очень состарюсь, будешь ли ты за мной ухаживать, называя матерью, – спросила.

– Точно так же, как ты ухаживала за отцом и матерью, я за тобой буду ухаживать. Лучше не смогу ухаживать. И тебя мать вырастила. Так как ты меня родила, обязана вырастить. Что ты сделала для матери, я сделаю и тебе, – сказала.

– Ыхы, ты для меня не лучший, но, по крайней мере, правду рассказал, – сказав, перенесла через море и, отпустив в лес, улетела» [КъМФС IV 2020: 722].

В этой сказке также акцентируется внимание на то, что ворона способна на длительный полет и хорошую ориентацию в пространстве. Так как она, перенося своих птенцов через море, подчиняет себе водные стихии и пространство.

Птицы в животных сказках нередко превосходят зверей хитростью, мудростью, умом и смекалкой. Они усыпляют бдительность противника, и спасают свою жизнь. Например, в сказке «Тюкю бла бѣдене» – «Лиса и перепелка» [КъМФС IV 2020: 660] лиса попросила перепелку развлечь ее: рассмешить. Перепелка повела подругу в сарай к одной женщине, которая доила корову. Птица села ей на голову. У этой женщины был неполноценный сын, который хотел убить перепелку, но убил мать. Это рассмешило лису. Потом хищница попросила покормить ее. Перепелка так и сделала. А когда лиса захотела, чтобы подруга напугала ее, птица повела ее в курятник, полный собак. Лиса еле унесла ноги. Тут она схватила перепелку и хотела съесть.

Но та с помощью хитрости освободилась из ее пасти. Перед тем как быть съеденной, перепелка обращается к лисе со следующим вопросом:

«– Алан, сени атынг не эди? – деп сорду.

Ол а:

– Тюкю, – дегенлей, бѣдене «тыр» деди да, учду да кетди.

Тюкю уа: «Ай анасына уа, «тылкы» деп, тишлерими къаты къысын айтсам эди уа», – деп сокъуранды.

Тюкюню бѣдене аман акъыл бла къалай алай этсе да, хорлады» [КъМФС IV 2020: 661].

«– Тогда перепелка:

– Не помню, как было твое имя? – спросила.

А как только она ответила:

– Лиса, – перепелка «тыр» и улетела.

А лиса:

– Ай, чтоб ее, лучше бы я сказала «лыса» крепко сжав зубы, – пожалела.

Перепелка, так или иначе, перехитрила лису».

В культуре разных народов наличествует ряд общих орнитологических персонажей, каковой является и перепелка. Этот пернатый образ встречается в устных рассказах южных славян, восточных славян, хакасов и народов Кавказа.

В фольклорных произведениях карачаевцев и балкарцев нередки тексты, которые носят этиологический характер, раскрывающий отличительные признаки разных птиц, истолкования их поведенческие и наружные свойства. Например, по одному из мифов определяется, почему у ласточки хвост раздвоенный.

«Ючюнчюге чибинни иеди да, ол а: «Адамны этинден татлы зат жокъду», – деп айтыргъа башлагъанлай, «ад» деп башлагъанлай, къарылгъач чибинни тилинден къабады да, ол кюнден башлап, чибин аны ючюн жызылдап къалгъанды. Сора жилин а:

– Нек къоймадын аны айтыргъа?! – деп, къарылгъачны къуйругъундан къабады да, къарылгъачны къуйругъу аны ючюн айры болгъанды дейдиле» [КъМФС IV 2020: 142].

«Третьей отправляет муху, когда же она собралась сказать: «Нет ничего слаще мяса человека», – едва произнесла «ад», ласточка кусает муху за язык и, начиная с этого дня, муха из-за этого стала жужжать. А змея тогда:

– Почему не дала ей сказать?! – воскликнув, кусает ласточку за хвост, и, говорят, из-за этого хвост ласточки стал раздвоенным» [КЪМФС IV 2020: 143].

Исходя из изученного материала, можно сделать вывод о том, что одними из самых известных фольклорных орнитологических образов являются орел, ворона, ласточка и перепелка. Эти персонажи характеризуются двойко: в одних произведениях как отрицательные, в других, наоборот, положительные. Особенно ярко изображается образ ворона: символа смерти и тьмы или же мудрости и разума. Также обширно изображены сюжеты о хитро-мудрых пернатых, превосходящих своим умом и смекалкой более сильных зверей.

Список источников

Азбукина 2006 – *Азбукина А.В.* От знака к символу (особенности символизации образа птицы в поэзии конца XVIII – начала XIX века) // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. Т. 148. № 3. С. 198–204.

АНГЖЖЭ 1997 – Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле... (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...): хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. Нальчик: Эльбрус, 1997. 344 с.

Ван 2018 – *Ван Е.* Орнитологические образы как средство выражения эмоций в лирике Валерия Перелешина // Грани познания. 2018. № 1 (54). С. 15–19.

Джуртубаев 1991 – *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1991. 256 с.

Джуртубаев 2011 – *Джуртубаев М.Ч.* Мифология и эпос карачаево-балкарского народа. Нальчик: Эльбрус, 2011. 487 с.

Кравцов 1987 – *Кравцов Н.И.* Славянский фольклор. М.: Изд-во МГУ, 1987. 257 с.

КЪМЖТА II 2003 – Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания): В 2-х томах. Т. 2 / сост., предисл. Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 472 с.

КЪММ 2007 – Къарачай-малкъар мифле (Карачаево-балкарские мифы) / сост., предисл. М.Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2007. 496 с.

КЪМФС IV 2020 – Къарачай-малкъар фольклорну своду. IV том. Къарачайлыланы бла малкъарлыланы жомакъ болмагъан, къара сёз бла айтылгъан чыгъармачылыкълары (Свод карачаево-балкарского фольклора. Т. IV. Несказочная проза карачаевцев и балкарцев). Нальчик: Принт Центр, 2020. 586 с.

Нарты 1994 – Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука. Вост. лит., 1994. 656 с.

Тресиддер 1999 – *Тресиддер Дж.* Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.

References

AZBUKINA A.V. *От знака к символу (особенности символизации образа птицы в поэзии конца XVIII – начала XIX века)* [From sign to symbol (features of symbolizing the image of a bird in poetry of the late 18th – early XIXth centuries)]. IN: *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific scraps of Kazan state university. Series: Humanities]. 2006. Vol. 148. № 3. P. 198–204. (In Russian)

Alg'yshla, nart taurukhla, zhomak'la, zhyrta, elberle... [Wishes, legends about narts, fairytales, songs, riddles...]: readings on karachai-balkarian folklore / collected by T.Sh. Bittirova, A.B. Gabaeva. Nalchik: Elbrus, 1997. 344 p. (In Balkarian)

VAN E. *Ornitologicheskie obrazy kak sredstvo vyrazheniya emocij v lirike Valerija Pereleshina* [Ornithological images as a means of expressing emotions in the lyrics of Valery Pereleshin]. IN: *Grani poznaniya* [Facets of knowledge]. 2018. № 1 (54). P. 15–19. (In Russian)

DZHURTUBAEV M.CH. *Drevnie verovaniya balkarcev i karachaevcev* [Ancient beliefs of balkarians and karachais]. Nalchik: Elbrus, 1991. 256 p. (In Russian)

DZHURTUBAEV M.CH. *Mifologiya i epos karachaevo-balkarskogo naroda* [Mythology and epos of karachay-balkarian people]. Nalchik: Elbrus, 2011. 487 p. (In Russian)

KRAVCOV N.I. *Slavyanskij fol'klor* [Slavic folklore]. Moscow: Publishing house of Moscow state university, 1987. 257 p. (In Russian)

K"arachaj-malk"ar zhomak"la, taurukhla, aytyula [Karachay-balkarian fairy-tales, legends, tales]: In 2 volumes. Vol. II / compiler and author of introductory article T.M. Hadzhieva. Nalchik: El-Fa, 2003. 472 p. (In Balkarian)

K"arachaj-malk"ar mifle [Karachay-balkarian myths] / compiler and author of introductory article M.Ch. Dzhurtubaev. Nalchik: Elbrus, 2007. 496 p. (In Balkarian)

K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 4 tom. K"arachajlylany bla malk"arlylany zhomak" bolmag"an, k"ara syoz bla ajtylg"an chyg"armachylyk"lary [The set of karachay-balkarian folklore. Vol. 4. Unfairytale prose of karachays and balkarians]. Nalchik: Print Center, 2020. 586 p. (In Balkarian and in Russian)

Narty. Geroicheskiy epos balkarcev i karachaevcev [Narts. The heroic epos of balkarians and karachais]. Moscow: Science. Eastern literature, 1994. 656 p. (In Balkarian and in Russian)

TRESIDDER DZH. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols] / translation from english S. Palko. Moscow: FAIR-PRESS, 1999. 448 p. (In Russian)

Информация об авторе

Л.С. Гергокова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

L.S. Gergokova – candidate of science (philology), senior researcher of the sector of karachay-balkarian folklore sector.

Статья поступила в редакцию 06.12.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 24.12.2021.

The article was submitted 06.12.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 24.12.2021.